

Аркадий Аверченко

КРУГИ ПО ВОДЕ

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А19

Аверченко, А.

А19 Круги по воде / А. Аверченко. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 250 с.

ISBN 978-5-521-77889-8

Аркадий Аверченко (1881–1925) — прославленный писатель-сатирик, драматург, театральный критик и редактор знаменитых периодических изданий «Сатирикон» и «Новый Сатирикон».

В данном издании представлен сборник ранних рассказов Аверченко «Круги по воде», главными героями которых являются типичные обитатели Петербурга: писатели, судьи, горничные, так или иначе попадающие в забавные ситуации. Жизненные истории сделали из Аверченко настоящего «короля смеха» и непременно оставят на лицах читателей след самой доброй и искренней улыбки.

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

Двуличный мальчишка	5
Раздвоение личности	13
Чад	24
Сазонов	33
Курильщики опиума	42
Язык	51
Цепная собака	60
Пловец на большие расстояния	69
Горничная из большого дома	79
Неудачная антреприза	90
Как меня обворовывали	97
Я и мой дядя	106
Молния	115
Свой крест.. ..	125
Дураки, которых я знал	131
Мужчины	140
Новый Соломон	148

Мокрица	157
Случай 24-го декабря.....	164
Граждане.....	171
Лакмусовая бумажка.....	179
Трудолюбивый Харлампьев	188
Революционер	197
Принцип.....	205
Животное.....	213
Праздник любви.....	223
Призвание	233
Старики.....	242

ДВУЛИЧНЫЙ МАЛЬЧИШКА

I

Авторы уголовных романов и их читатели не поняли бы странной двойственной натуры мальчишки Алёшки — натуры, которая в свое время привела меня в восхищение и возмутила меня.

Авторы уголовных романов и их читатели прославились своей прямолинейностью, которая обязывала их не заниматься смешанными типами — злодеи должны быть злодеями, добрые — добрыми, а если капля качеств первых попадала на вторых или наоборот — все кушанье считалось испорченным... Злодей — должен быть злодеем, без всяких уверток и ухищрений... Он мог раскаяться, но только в самом конце, и то при условии, что, в сущности, он и раньше был симпатичным человеком. Добрый тоже мог стать в конце романа злым, бессердечным, но тоже при условии, что автор опрокинет на него целую гору несчастий, людской несправедливости и тягчайших разочарований, которые озлобят его. Ни в одном из таких романов я не встречал жизненного простого типа, который сегодня поколотил жену, а завтра подаст гривенник нищему, утром прилежно возится у станка, штампуя фальшивые деньги, а вечером вступится за избиваемого еврея.

Человек — более сложный механизм, чем, например, испанский кинжал, вся жизнь которого сводится только к двум чередующимся поступкам: он или режет кому-нибудь горло, или не режет.

Попадись автору уголовных романов Алёшка — он повертел, повертел бы его, понюхал, лизнул бы языком и равнодушно отбросил бы прочь.

— Чёрт знает, что такое!.. Ни рыба ни мясо.

В жизни не так много типов, чтобы ими разбрасываться...

Я подбираю брошенного разборчивым романистом Алёшку и присваиваю его себе. Об Алёшке я сначала думал, как о прекрасном, тихом, благонравном мальчике, который воды не замутит. В этом убеждали меня все его домашние поступки, всё комнатное поведение, за которым я мог следить, не сходя с места.

Мы жили в самых маленьких, самых дешёвых и самых скверных меблированных комнатах. Я — в одной комнате, Алёшка с безногой матерью — в другой.

Тонкая перегородка разделяла нас.

Я так часто слышал мягкий, короткий Алёшкин голос:

— Мама! Хочешь, ещё чаю налью? Отрезать ещё кусочек колбасы?

— Спасибо, милый.

— Книжку тебе ещё почитать?

— Не надо. Я устала...

— Опять ноги болят? — слышался тревожный голос доброго малютки. — Господи! Вот несчастье, так несчастье!..

— Ну ничего. Лишь бы ты, крошка, был здоров.

— Ну-с, — важно говорил Алёшка, — в таком случае, ты спи, а я напишу ещё кое-какие письма.

Было ему около десяти лет.

Однажды я встретился с ним в коридоре.

— Тебя Алёшкой зовут? — спросил я, вежливо, ради первого знакомства, дергая его за ухо.

— Алёшкой. А что?

— Да ничего. Ну, здравствуй. У тебя мать больная?

— Да, брат, мать больная. С ногами у неё неладно. Не работают.

— Плохо ваше дело, Алёшка. А деньги есть?

— В сущности, — сказал он, морща лоб, — денег нет. Тем и живём, что я заработаю.

— А чем ты зарабатываешь?

Посмотрев на меня снизу вверх (я был в три раза пыше его), он с любопытством спросил:

— Тебе там наверху не страшно?

— Нет. А что?

— Голова не кружится?

Я засмеялся.

— Нет, брат. Всё благополучно.

— Ну, и слава Богу! До свиданья-с.

Он подпрыгнул, ударил себя пятками по спине и убежал в комнату матери.

Эти нелепые замашки в таком благонравном мальчике удивили меня. С матерью он был совсем другим. Я понял, что хитрый мальчишка надевает личину в том или другом случае, и решил при первой возможности разоблачить его.

Но он был дьявольски хитёр. Я несколько раз ловил его в коридоре, подслушивал его разговоры с матерью — всё было напрасно. При встречах со мной он был юмористически нахален, подмигивал мне, хохотал,

а сидя с матерью, трогательно ухаживал за ней, читал ей книги и в конце вечера неизменно говорил, с видом заправского молодого человека:

— Ну-с, а мне нужно написать кое-какие письма.

Я пристававал к нему несколько раз с расспросами:

— Что это за письма?

Он был непроницаем.

Однажды я решился на жестокость. — Не хочешь говорить мне, — равнодушно процедил я, — и не надо. Я и сам знаю, кому эти письма...

— Ну? Кому? — тревожно спросил он.

— Разным благодетелям. Ты каждый день с этими письмами пропадаешь на несколько часов... Наверное, таскаешься по благотворителям и кланчишь.

— Дурак ты, — сказал он угрюмо. — Если бы я просил милостыни, то и у тебя просил бы. А я заикнулся тебе хоть раз? Нет.

И добавил с напыщенно-гордым видом:

— Не беспокойся, брат... Я не позволю себе просить милостыни... Не таковский!

Должен признаться: я был крайне заинтересован таинственным Алёшкой. Сказывались мои двадцать два года и 24 часа свободного времени в сутки.

Я решил выследить Алёшку.

II

Был тёплый летний полдень.

Из-за перегородки слышался монотонный голос Алёшки, читавшего матери «Анну Каренину». Через некоторое время он прервал чтение и заботливо спросил:

— Устала?

— Немного.

— Ну, отдохни. А я пойду. Если захочется без меня кушать, смотри сюда: вот ветчина, холодные котлеты, молоко.

Захочется читать — вот книга. Ну, прощай.

В последовательном порядке слышались звуки: поцелуя, хлопнувшей двери и Алёшкиных шагов в коридоре.

Я схватил шляпу и тихонько последовал за Алёшкой.

Через двадцать минут мы оба очутились в Летнем саду, наполненном в это время дня дряхлыми старичками, няньками с детьми и целой тучей девиц с вечными книжками в руках.

Алёшка стал непринуждённо прохаживаться по аллеям, бросая в то же время косые проницательные взгляды на сидевших с книжками девиц и дам и делая при этом такой вид, будто бы весь мир создан был для наслаждений и удовольствий.

Неожиданно он приостановился.

На скамейке, полускрытой зелёным кустом, сидела сухая девица и, опустив книгу на колени, мечтательно глядела в небо.

Думы её, вероятно, витали далеко, отрешившись от всего земного, рассеянный взгляд видел в пространстве его, прекрасного чудесного героя недочитанной книги, обаятельного, гордого красавца, а беспокойное сердце девицы крепко и больно колотилось в своей неприглядной, по наружному виду, клетке.

Алёшка тихо приблизился к мечтательнице, стащил с головы фуражку и почтительно сообщил;

— А вам, барышня, письмецо есть...

— От кого? — вздрогнула девица и обернула к Алёшке своё, ставшее сразу пунцовым лицо.

— От «него», — прошептал Алёшка, щуя глаза, с самым загадочным видом.

— А... кто... он?... — ещё тише, чем Алёшка, прошелестела девица.

— Не велено сказывать. Ах! — вскрикнул он неожиданно (будто прорвался) с самым простодушным глуповатым восторгом. — Если бы его видели; такой умница, такой красавец — прямо удивительно!

Девица дрожащими руками взяла письмо... на лице её было написано истерическое любопытство. Грудь тяжело вздымалась, а маленькие бесцветные глаза сияли, как алмазы...

— Спасибо, мальчик. Ступай... Впрочем, постой. Вот тебе!

Девица порылась в ридикюле, вынула две серебряных монеты и сунула их в руки доброму вестнику.

Добрый вестник осыпал её благодарностями, отсалютовал фуражкой и сейчас же деликатно исчез, не желая присутствовать при такой интимности, как чтение чужого письма.

Сидя на противоположной скамье, я внимательно следил за девицей. Бледная, как смерть, она лихорадочно разорвала конверт, вынула из него какую-то хитроумно сложенную бумажку, развернула её, впилась в неё глазами и сейчас же с лёгким криком уронила её